

Академическая мастерская Д. Н. Кардовского

Двадцать лет прошло с тех пор, как ушёл из жизни Дмитрий Николаевич Кардовский. Эта дата всколыхнула в душе давние воспоминания, и вновь и вновь оживает передо мной облик большого художника, любимого профессора, обаятельного человека большой культуры — Дмитрия Николаевича. Таким он остался в сердцах всех нас — его учеников, пронёсших благодарную память о нём через всю жизнь. с. 55

Моё знакомство с Дмитрием Николаевичем началось с того памятного момента, когда я после двухлетнего пребывания в классах Академии художеств была переведена в мастерские, получив на Художественном совете премию за эскиз на тему «Разъезд из театра» (эскиз был оставлен в Академии).

Робко, с огромным волнением подошла я к Дмитрию Николаевичу в коридоре Академии и спросила, может ли он принять меня в свою мастерскую. Он ответил, что мой эскиз ему понравился и что он охотно возьмёт меня в мастерскую. Радости моей не было границ. Я давно уже мечтала учиться у Кардовского. Его мастерская считалась среди студентов самой сильной и передовой. Её направление и весь её «дух» резко отличались от атмосферы, царившей в других мастерских, в которых, по нашему мнению, был налёт рутинности и отсталости. Попасть к Кардовскому было нелегко — желающих было много, а Дмитрий Николаевич принимал с большим разбором, только тех, чьи работы ему нравились и с кем, казалось ему, будет интересно заниматься.

Оглядываясь в прошлое, хочется поделиться воспоминаниями о далёких академических годах, о мастерской Кардовского, с которой связано лучшее время молодости, студенчества, время увлекательной работы, которую так стимулировало общение с любимым профессором, бывшим тогда в расцвете сил и таланта.

Выдающийся педагог, Дмитрий Николаевич был человеком глубокой разносторонней культуры. Он давал ученикам много познаний и ценных сведений, был обаятелен в общении с людьми. С нами, учениками, он был всегда исключительно вежлив.

Импонировал нам Дмитрий Николаевич и своей артистической внешностью. Прекрасное, одухотворённое лицо, статный, хорошего роста, строго и элегантно одетый, он был сдержан, держался с большим достоинством и благородством.

Жил в те годы Д. Н. Кардовский в Царском Селе и приезжал на занятия в Академию два раза в неделю, по средам и субботам. Приезжал он и в те дни, когда ставилась новая натура, которую он любил ставить сам. Делал он это внимательно, не торопясь, привлекая кого-нибудь из учеников для помощи. Красиво умел он использовать большие куски тканей и прочий реквизит, которого было немало в его мастерской.

В дни его приездов с утра в мастерской чувствовалось напряжённое и взволнованное состояние, ожидание чего-то значительного и праздничного. Услышав его шаги на лестнице, все подтягивались. Войдя в мастерскую, он переодевался в синюю рабочую блузу, которая ему очень шла. Начинался просмотр работ. Мы замирали... Дмитрий Николаевич уделял каждому много внимания и времени. Замечания его были немногословны, точны, иногда уничтожающи. Так, помню, он сказал одному из студентов: «Лучше бы вы погуляли это время, чем работать так, как вы работаете». В мастерской наступила мёртвая тишина...

Хвалил он редко. Зато похвала его воспринималась как огромное счастье. Бывало, после неё чувствуешь себя на седьмом небе!

На всю жизнь запомнились некоторые указания и требования Дмитрия Николаевича. В начале работы он требовал прежде всего, чтобы фигура целиком была скомпонована на листе. Он не позволял переходить к деталям, пока крепко и чётко не была намечена общая форма.

«Учитесь видеть широкими массами, а не отдельными формами, идите от общего к частному. Рисуя один глаз, следите за его отношением к другому глазу и ко всему лицу в целом. Линии сами по себе ничего не выражают, они лишь границы плоскостей, лежащих в их пределах», — часто повторял он нам.

В живописных работах он требовал, чтобы мы сразу начинали красками, без предварительного рисунка углем или карандашом.

«Учитесь рисовать кистью. Учитесь широко видеть всю натуру в общей связи и тональной и цветовой. Намечайте сразу фигуру в воздушной среде, в увязке её с фоном и тонально и живописно».

Портрет он ставил нам на неделю. Фигуру — на две недели. Приучал нас работать быстро: «Работайте быстро! Когда вы будете писать портрет, никто не будет вам долго высиживать», — говорил Дмитрий Николаевич. В первый же день мы должны были в портрете намечать всё лицо, а в этюде натурщика построить всю фигуру в целом.

Для эскизов он давал увлекательные темы, над которыми мы работали с интересом. Иногда были специальные задания на построение композиции, как, например, задание вкомпоновать две фигуры в квадрат, сюжет — любой.

Кардовский учил нас быть к себе беспощадно требовательными. «Будьте предельно строги к себе. Если в ходе работы обнаружите ошибку, уничтожайте без жалости сделанное, как бы законченна ни была работа. Не довольствуйтесь приблизительностью, если хотите стать художником».

В мастерскую Кардовского приходили на рисунок и студенты других мастерских и факультетов. Так, часто приходили архитекторы. Мастерская Кардовского славилась как лучшая школа рисунка.

Жили и работали мы все удивительно дружно. Занимались с большим подъёмом и увлечением. Старостой нашим был С. В. Спиринов. Он был сильным рисовальщиком и простым, доброжелательным человеком, хорошим товарищем. Противоположностью ему был Н. Э. Радлов, державшийся несколько особняком и относившийся к товарищам немного свысока. Помню, он посещал мастерскую далеко не регулярно, чем вызывал недовольство Дмитрия Николаевича. Любимцем нашей мастерской был П. М. Шухмин. Он поражал нас своей разносторонней одарённостью: он был и талантливым актёром, и остроумным рассказчиком, всегда весёлый, общительный, жизнерадостный.

В большой дружбе была я с С. В. Рянгиной и С. М. Карповым. Они тогда только что поженились, и в их единственном тогда в нашей мастерской семейном доме мы проводили немало весёлых и уютных вечеров. Карпов обладал хорошим голосом, Рянгина играла на рояле. Маленькая, тоненькая, с двумя длинными белокурыми косами, она была очень живая, наблюдательная, остроумная. Не дай бог было попасть на её меткий и злой язычок! Дружил с нами и ученик мастерской Н. Н. Дубовского — Н. Я. Белянин. Мы звали его цыганом — он был смуглый, черноволосый, весёлый. Помню, как в перерывы мы бегали иногда взапуски с ним и Рянгиной по длинным академическим коридорам.

Одновременно со мной учились также О. А. Кондратьева, Н. Э. Вехтерштейн, Е. И. Долганов, Н. К. Сверчков, В. А. Апостоли, А. А. Сапожников, И. Беленький, Ф. Ф. Коварский.

Мастерская Кардовского помещалась не в главном корпусе Академии, где были классы и остальные мастерские — В. Е. Савинского, В. Е. Маковского, Н. Н. Дубовского, В. В. Матэ. Она занимала верхний этаж небольшого здания на так называемом «Литейном дворе», отделённом от главного корпуса большим садом, в котором находилось небольшое, сплошь застеклённое здание — батальная мастерская Н. С. Самокиша.

Наша мастерская состояла из довольно большого помещения — собственно мастерской с двумя огромными окнами, одно из которых выходило на 4-ю линию Васильевского острова, и двух небольших комнат при ней. В одной в перерыве отдыхали ученики, в другой — ученицы. Но часто во время перерывов мы собирались вокруг Дмитрия Николаевича и он

много и интересно рассказывал нам о своих ученических годах в мастерской великого Репина, о мюнхенском профессоре Ашбе, о своих встречах с видными художниками.

Я училась в Академии художеств на рубеже старой и новой России — поступила я в мастерскую Кардовского в 1915 году. После трёх лет войны началась революция. Д. Н. Кардовский руководил мастерской и в трудные голодные годы первых послереволюционных лет. Мастерская почти не отапливалась. Ученики получали в пайке зачастую вместо хлеба неочищенный овёс. Конина была редким деликатесом. И всё-таки мы продолжали работать. Кардовский безропотно разделял общие лишения. Помню, однажды, придя в мастерскую, я застала его за необычным занятием — он колол и ел орехи. «Вот, достал орехов, голоден, — сказал он мне. — Они мне вместо обеда...»

В 1920 году я переехала в Москву, где жизнь была относительно легче. Год я пробыла на графическом факультете Вхутемаса, а осенью в начале занятий узнала, что Дмитрий Николаевич переехал в Москву и имеет мастерскую во Вхутемасе. Я тотчас же отправилась к нему. Не могу забыть, с какой радостью он меня встретил, отечески обнял, вопреки своей обычной сдержанности. Москва была ещё ему чужда, так же как и Вхутемас и его новые ученики. Меня он воспринял, вероятно, как часть его родной академической мастерской, и моё появление было для него приятной неожиданностью.

В искусстве 20-х годов было засилье формалистов всех видов и направлений. Во Вхутемасе царила порядочная неразбериха и расхлябанность. Установки Д. Н. Кардовского в преподавании, его требования строгого реалистического рисунка изучения природы шли вразрез с господствовавшими тогда течениями. И его мастерская в то время считалась «отсталой». Но прошло немного времени, жизнь отмела формалистические кривляния, искусство твёрдо встало на путь социалистического реализма. Имя Кардовского снова завоевало авторитет и уважение.

Дмитрий Николаевич не порывал отношений со своими учениками и после того, как они кончали своё профессиональное обучение и уходили в жизнь. Он принимал участие в их судьбе, помогал им советами и устройством профессиональных дел, живо интересовался их работами.

У меня сохранилось несколько его писем ко мне, показывающих его внимательное, сердечное отношение и готовность помочь ученикам в творческих делах и жизнеустройстве. В письме от 25 февраля 1926 года он извещает меня о его разговоре обо мне (без всякой просьбы с моей стороны) с организатором выставок общества «Жар-Цвет» художником К. В. Кандауровым: «Вы потрудитесь списаться с ним, напишите ему, что Вы та самая моя бывшая ученица, о которой я говорил ему, как об имеющей интересные работы из Самарканда и другие».

В 1936 году меня принимали в члены МОСХа, там была развёрнута выставка-показ моих работ. Дмитрий Николаевич болел, был прикован к постели. Но, узнав об этом, прислал в правление МОСХа письмо с моей характеристикой, писал о том, что я заслуживаю быть принятой в члены творческого союза. Это письмо привезла на заседание правления, на котором обсуждалась моя кандидатура, жена Дмитрия Николаевича — О. Л. Делла-Вос-Кардовская, передавшая его просьбу зачитать письмо при обсуждении моих работ. Всё это говорит об исключительно внимательном и заботливом отношении Дмитрия Николаевича к своим ученикам.

Помню чествование Д. Н. Кардовского в 1938 году. В выставочном зале Московского товарищества художников на Кузнецком мосту была организована выставка работ Кардовского и Делла-Вос-Кардовской. Дмитрий Николаевич был уже тяжело болен. Его привезли на машине и внесли в помещение в кресле. Вечер прошёл торжественно, тепло и многолюдно.

И мы, его ученики, сохраняли и сохраняем друг с другом хорошие товарищеские отношения и творческое общение. Так, я встречалась с В. А. Апостоли, А. А. Сапожниковым и другими соучениками по академической мастерской. А с О. А. Кондратьевой и С. В. Рянгиной в течение всей жизни нас связывала тесная дружба.

Благодарную память о дорогом учителе я сохраню до конца моих дней. Имя большого художника и замечательного педагога заняло почётное место в истории советского изобразительного искусства.